

№ 24 (1638)

ГОД ИЗДАНИЯ 40-й

30 АВГУСТА 1961

К
Р
О
К
О
Д
И
Л

СЧАСТЛИВЫЕ ОБОРОТЫ

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

СО СВОИМ БАГАЖОМ

Стоп! Дальше колымага не пойдет!

Весть о высшем счастье человека — о коммунизме стучится во все двери. Желанной и дорогой гостьей она входит в каждый дом.

— Читали?

— Слышали?

— Мы будем жить при коммунизме!

Все новости, все события отошли на задний план. В цехах, на полевых станах и арктических зимовках, в салонах воздушных лайнеров, коммунальных кухнях и кубриках боевых кораблей советские люди обсуждают свое будущее. Люди говорят о коммунизме, об обществе счастливых и равных, где труд станет первой жизненной необходимостью и все источники общественного богатства польются могучим потоком.

В день обнародования проекта Программы в редакции побывало немало людей. Среди них были не только фельетонисты, рисовальщики карикатур и агрессивно настроенные опровергатели. Приходили читатели. Один такой, ладно сбитый, веселый, седоусый человек, сказал нам:

— Я, дорогие товарищи, ваш рядовой читатель со стажем. Шел мимо и думаю: «Дай-ка загляну к крокодильцам и поздравлю их!»

И он обошел все комнаты и лично поздравил нас от своего имени и от имени своих товарищей, электровозных машинистов, с общей радостью советских людей. Мы, признаться, были польщены. Нам захотелось посидеть, поговорить с этим человеком, но он заспешил:

— Вы уж извините, заступаю в смену. Работать надо. Ведь коммунизм, как я понимаю, на блюдечке нам никто не преподнесет! — И он направился к выходу.

Хорошо сказано: коммунизм на блюдечке не преподнесут. Хотя кое-кто надеется именно на такой вариант. Мы имеем в виду любителя легкой жизни. Он, этот любитель, разумеется, тоже мечтает о тех днях, когда «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Он обеими руками голосует за такое распределение общественных богатств. Правда, будущее рисуется в его воображении весьма своеобразно. Ему мерещится сообщество лодырей, вольное братство бездельников, сонное царство едоков, где галушки будут доставляться франко-желудок.

— Вот это будет житуха! — доверительно сообщил нам один из представителей живучего племени тунеядцев. — Поди проверь, какие у меня способности. Скажу, что у меня их кот наплакал, и буду работать вполплеча! А по потребностям мне подай!

Вероятнее всего, что с такими воззрениями человек в коммунизм не войдет. Ему еще, так сказать, в первом периоде разъяснят, что к чему. Но сейчас тунеядец остается верен себе. Он каждым своим поступком нарушает моральный кодекс строителя коммунизма.

Он не работает, но первый спешит к общественному столу. Он приумножает свой достаток за счет общественного достояния. Он пытается взгромоздиться на чужую спину, чтобы со всеми удобствами въехать в наше солнечное завтра.

Тунеядец многолик. Диапазон его малополезной деятельности весьма широк.

Во Львове у зоомагазина вы можете встретить некоего Ваську, который всецело поглощен своими бизнесменскими операциями.

— Чем кормишься, Вася? — спросили как-то его.

— Блохой!

Между королем из известной песни, одевавшим свою блоху в золото и бархат, и Васькой существует различие: блоха одевает и обувает Ваську. Правда, блоха не простая, а водяная, именуемая по-научному дафнией. Васька разводит блоху и продает ее любителям золотых рыбок. И живет неплохо, не утруждая себя другими занятиями.

Бывшего колхозника Никандра Котова кормят не блохи, а рябина и черемуха. Он самолично вырубил в родном Некрасовском районе восемнадцать тысяч деревьев и понаделал из них черенки для лопат и кувалд. Черенки Никандр поставлял промышленным предприятиям Ярославля и Костромы, деньги клал в свой карман.

Рядом с откровенными паразитами, с блохозаводчиками вроде Васьки и Никандра, мы встречаемся со скрытыми, замаскированными рыцарями легкой наживы. Внешне выглядят они вполне благопристойно. Постоянная служба. Незапятнанная трудовая книжка. Профсоюзный билет с наклеенными вовремя марками. На самом же деле это ловкая маскировка, привычный камуфляж.

Кто бы мог подумать, что И. Пущин, скромный работник охраны, состоящий на службе в одном из учреждений того же Львова, является одновременно и крупнейшим продавцом экзотических рыбок?

Пущин, как сообщает «Львовская правда», — человек с размахом. В его хозяйстве свыше тридцати аквариумов. Емкость некоторых — триста литров. Для пополнения рыбных запасов широко используется аэрофлот. Жена доставляет на самолетах из разных городов золотых и прочих рыбок. Фирма процветает.

В то время, как трудовые поезда несут на всех парах к заветной станции — к коммунизму, где-то по обочинам дороги трясутся на своих колымагах нахрапистые молодцы, ловчицы, дельцы, любители дармовщинки, блохозаводчики. Им нужно дать красный свет. Перекрывать светофор и сказать:

— Стоп! Дальше тунеядческая колымага не пойдет! Граждане тунеядцы, пересаживайтесь на трудовой поезд!

С. ШАТРОВ

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

В тот день, когда был опубликован проект Программы КПСС, я ехал в вагоне метро. У редкого пассажира не было в руках плотного номера «Правды» или «Известий». Глаза у людей горели, раздались возгласы удивления, удовольствия и радости. Это была живая, непосредственная переключка душ. Энергичная, горячая беседа сближала посторонних друг другу людей.

Но в этой своеобразной симфонии один человек, если продолжать музыкальные сравнения, держал длинную паузу. Он тоже внимательно читал проект Программы, но реагировал тихо и про себя: жевал губами, подымал вверх клочковатые брови, недовольно фыр-кал... Из профессионального любопытства я заглянул на страницу, которую читал этот солидный и тучный пассажир. Оказалось, что он штудирует страницу седьмую: «Задачи партии в области государственного строительства и дальнейшего развития социалистической демократии». «Что же ему здесь не нравится?» — подумал я. И не мог уже отвести взгляда от недовольного товарища.

Мне повезло: подняв на секунду глаза от газеты, чтобы укоризненно покачать головою и произнести неодобрительное междометие «Хм!», пассажир заметил, что я за ним наблюдаю. Очевидно, ему захотелось хоть с кем-нибудь поделиться своими соображениями, поэтому он спросил у меня, щелкнув по газете пальцем:

— Читали уже?

Я утвердительно кивнул головою.

— Ну и как, по-вашему?

Я постарался покороче пояснить мое отношение к этому важному и радостному документу. Пассажир выслушал серьезно, одобрил мое мнение солидной гримасой, а затем произнес:

— В общем и целом вы, безусловно, правы. Однако имеются отдельные моменты, которые... которые... которые...

— Которые что? — не вытерпел я.

— Которые, может быть, в принципе тоже правильные, но... я бы с ними э-э-э... погодил. Вот именно!

— Это какие же «моменты»?

— Ну, вот возьмите, например, хотя бы такие строки...

И солидный пассажир прочитал мне: «Необходимо вести дело к тому, чтобы государственный платный аппарат сокращался, чтобы навыками управления овладевали все более широкие массы и работа в этом аппарате в перспективе перестала быть особой профессией».

— Как же,— отозвался я,— помню это место проекта Программы...

— Да, конечно, сказано, безусловно, так сказать, идеологично и... вообще... культурно. Да. Но если вдуматься, то к чему это?

— Как то есть «к чему»? Еще Ленин говорил...

Мой собеседник властно перебил меня:

— Что говорил Ленин, мы тоже знаем. Подкованные, так сказать. Но вы возьмите вопрос по существу. Вот, скажем, лично я. Я как раз и являюсь этим «платным аппаратом», как тут говорится... Состою в номенклатуре не первый десяток лет. Меня, например, освободить от работы можно, только если подыскать другую равноценную должность. Ну, это вы, наверное, слышали... Теперь: за что же мне такой почет, обеспечение и вообще... все? За то, что лично я, как номенклатурный работник, что-то умею, что-то знаю, чему-то научился за тридцать лет деятельности... Не так ли?

— Вероятно,— уклончиво ответил я,— но ведь и другие товарищи сумеют овладеть теми сведениями, которые нужны...

— Кто овладеет? — снова перебил меня пассажир, и я понял, что это умение властно перебивать собеседника входит в его номенклатурные навыки.— Кто, я вас спрашиваю, овладеет искусством руководить и притом с бухты-барашки, так вот, в порядке общественной нагрузки?!

— Помилуйте,— защищался я,— не боги же горшки обжигают! Люди будут постигать, учиться...

— Это кто будет учиться, я вас вторично спрашиваю?! Вот мы называем тех, кто к нам в учреждение пришел, посетителями. Так неужели же я поверю, что на моем месте справятся посетители?! Никогда!

— А я верю.

— Ха-ха! Сказать «верю» — дело нетрудное. А сумеет ли посетитель решить вопрос так, что как будто он решен, а на самом деле вопрос так и остался вопросом? Научится ли отгадывать мнение начальства по каким-то там обинякам... междометиям... ароматам, если хотите знать? Помрет, а не научится!

— А это ведь и не нужно будет.

— Что «не нужно будет»?!

— Вот ваша бюрократическая премудрость: волокита, перестрелка, угождение начальству...

— Хо-хо-хо! Да вы, батенька, чудак! Шутить изволите!

Солидный пассажир поднял указательный палец к носу и, строго грозя сим пальцем, продекламировал мне в ритме стиха:

— За-пом-ните на-всег-да: без то-го, что вы на-звали, лю-ди не о-бой-дут-ся ни-ког-да! Ясно вам?

— Ясно.

— Повторите: что вам ясно?

— Мне ясно, что я столкнулся с особым мнением бюрократа, которому не нравится, что бюрократизм будет изжит.

Такого удара мой собеседник, видать, не ждал. Он захлебнулся в гневе, побагровел, поднял руки, чтобы проклясть меня громогласно, но опомнился и только пересел на другую скамью. Разговор был окончен раз и навсегда...

То есть это мой разговор с данным бюрократам окончился. А вообще говорить о бюрократизме и его ликвидации в свете новой Программы партии придется еще не раз и не один день. Но мы согласны вести такой разговор, разговор на уничтожение бюрократизма.

В. АРДОВ

Степан ОЛЕЙНИК

Он на трибуне — патриот,
Речь — огненная лава...
Возвысившись, явил Осот
Черты крутого нрава.

Никто не смеет в картузе
Сидеть в его приемной!..
Характерец — под стать грозе,
Да и апломб огромный.

А что за хватка! Ну и ну!
Он «сведенья» разложит —
И за секунду за одну
Все цифры подытожит.

Берет иную с потолка,
Трубя при этом звучно,
Что, дескать, в среднем-то пока
У нас благополучно!

«Сварганит» рапорт «первый сорт»
(Вотрет очки, короче)
И отбывает на курорт
В Алупку или в Сочи.

В его краях — страда... А он,
Цветущий, крепкий с виду,
Нырять в море, увлечен
Охотой на ставриду.

Для обозрения красот
На катер он садится...
Но кто сказал, что Пров Осот
Не любит мать-землицу!!

В земле он с корнем, целиком,
Весь век на ней стоять бы!
Не зря же взял он за леском
Участок для усадьбы.

Не зря ж корпел на нем Осот,
Претерпевал мытарства:
Сам проложил водопровод
(На средства государства).

В три метра там уже стоит
Дубовая ограда.
(Низка... Но лес ведь дефицит,
Быть бережливым надо!)

Кирпич и жость добыл с трудом,
Завез автоколонной,
И в дар жене отгрохал дом
Шестнадцатиконный.

Какой размах!.. Какой фасад!..
Что ж, пусть не этим летом,
Но будет, будет детский сад
В просторном зданье этом!

А сорняку тут места нет,
Зарвался он сверх меры,
Ему, выходит, партбилет
Был нужен для карьеры!

К верхам карабкаясь, Осот
Решал одну задачу:
«Пусть строит коммунизм народ,
А я... построю дачу!»

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН.

В РЕЧАХ И В ЖИЗНИ

СЦЕНА ПЕРВАЯ (Риторическая)

Большой зал театра переполнен. В театре — передовики сельского хозяйства Воронежской области и соседних с ней черноземных областей, собравшиеся на Всероссийское совещание. На трибуне председатель Воронежского облисполкома П. С. Лукьянов:

— Товарищи передовики! Ваша критика в наш адрес совершенно справедлива. Мы действительно многое недоглядели. Мы действительно просмотрели такой вопрос, как некоторый отрыв сельскохозяйственной науки от производства. Это факт. Нельзя отрицать того, что сельскохозяйственные научные и учебные заведения должны быть не в областном центре, а там, где непосредственно куется победа. Поля и фермы — самая лучшая лаборатория для ученого.

Вслед за этим на трибуну поднялся начальник областного управления сельского хозяйства Н. П. Александров, занимающий по совместительству должность директора Института экономики сельского хозяйства. В тон председателю облисполкома ученый заявил:

— Прокопий Семенович совершенно правильно заострил вопрос о связи сельскохозяйственной науки с жизнью. И мне как ученому особенно приятна была мысль Прокопия Семеновича о том, что хватит нам бродить по городским бульварам. В деревню, на благодатную землю-матушку, на просторы природы! Наконец сбудется заветная мечта лучших представителей русской сельскохозяйственной мысли! Ведь еще наш великий земляк Мичурин сказал: «Не ждате милостей от природы», а взять их у нее — наша задача». Взять, так сказать, непосредственно на месте, на полях и фермах, как говорят, из рук в руки.

СЦЕНА ВТОРАЯ (С иллюстрациями)

Крокодил попросил своих корреспондентов посмотреть, как «заветная мечта лучших представителей русской сельскохозяйственной мысли» претворяется в жизнь. И вот что они увидели.

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЗООТЕХНИЧЕСКО-ВЕТЕРИНАРНЫЙ
ИНСТИТУТ**

**ВОРОНЕЖСКАЯ
НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ВЕТЕРИНАРНАЯ
СТАНЦИЯ**

Где же помещается это учебное заведение, готовящее зоотехников и ветеринаров высшей квалификации? В крупном животноводческом совхозе? В районе, славном высокими удоями и высокопродуктивными породами скота? Нет, в Воронеже, на шумной городской улице. Так же, как и эта родственная институту научно-исследовательская станция.

Еще больше удивились корреспонденты Крокодила, увидев на одном из городских зданий эту вывеску:

**ВСЕСОЮЗНАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
АКАДЕМИЯ НАУК ИМ. В. И. ЛЕНИНА
ВОРОНЕЖСКАЯ СТАНЦИЯ
ЗАЩИТЫ РАСТЕНИЙ**

Какие растения защищают ученые, работающие на этой станции? Еле пробивающиеся сквозь асфальт, чахлые акации и липки? Астры и флоксы, высаженные в соседнем скверике?

**ФИЛИАЛ
ПО ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЕ
ВСЕСОЮЗНОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО
ИНСТИТУТА
ЭКОНОМИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

Не пора ли в самом деле всем этим сельскохозяйственным учреждениям собраться в путь-дорогу? Поля ждут!

**В. ТЕРТЫЧНЫЙ,
А. ГАЛКИН**

г. Воронеж.

Руководители некоторых сельскохозяйственных вузов полагают, что специалистов сельского хозяйства можно готовить не на земле, а на асфальте.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Игра в классы.

Из размышлений Пруткова-внука

Взглянув на иной творческий коллектив, можешь смело утверждать: звезд много, а созвездия не видно.

Есть головы, которые не выносят никакой нагрузки, кроме шапки.

Кто часто говорит: «Виноват!» — редко исправляется.

Расстояния друзей не отдаляют.

Доброе имя родителей — лучшее наследство для детей.

Не танцуй под всякую музыку: подошвы скоро сносятся.

Душу человека приказом не откроешь.

Кто приучает руки бездельничать, у того и ноги не пойдут.

Лучше быть пуговицей на косоворотке честного человека, чем фраком на мошеннике.

Благодари ревизора, вскрывшего миллионную растрату, а славь того, кто обнаружил незаконно израсходованную копейку: с нее все начинается.

ЗА ГЛУХИМИ ЗАБОРАМИ

РАНИМ июньским утром вернулась в свое родное село Высокое, Курской области, старая-престарая бабушка.

При ней были: паспорт, ведро воды, помятая алюминиевая миска, кулечек с сахаром и рваное одеяло.

Впрочем, это не совсем точно. Не сама вернулась бабушка, а ее вернули. Привезли на телеге, высадили, постелили среди бурьяна упомянутое одеяло и, хлестнув лошадь, укатили обратно.

Звали старушку Анастасия Феокистовна Белевская. Было ей 87 лет. Прежде проживала она в Высоком с большой семьей. Но сначала уехали от бабки два сына — Иван и Сергей, потом дочь Анна, а в прошлом году и сама старушка уехала с дочерью Марией в город Красный Луч, Луганской области. За внуками там ухаживала, за скотиной присматривала...

И вот теперь снова в родном селе. Но уже без дочерей и сыновей. Одна.

Стали допытываться у бабки. Та сказала: дочери, мол, привезли, Мария и Анна. Усмехнулись сельчане: заговаривается старая. Слышно ли, чтобы родной матери жилплощадь отводить в бурьяне? Однако тут кто-то, приглядевшись к миске, вспомнил:

— Что-то, сдастся мне, я эту посудину видел. Должно быть, в Семенове... Точно, в Семенове. У Анны Матвеевны Рыжих на дворе эта самая миска валялась.

Анна Матвеевна — это одна из дочерей Анастасии Феокистовны.

Приехал я в Семеново к Анне Матвеевне. В это время Анастасию Феокистовну забрал уже сын Иван и перевез к себе, в Красный Луч.

Анна Матвеевна, твердо стоя посреди своей

обширной и добротной усадьбы, повествовала:

— Дом у нас большой, сами видите. Места бы не жалко для матери, только кто ж за ней ухаживать будет? У нас, слава богу, скотинка есть — коровенка, овечки. За ними уход да уход требуется. Душой за скотинку болеем. А потом, знаете, старушка-то наша немощна... Мой Иван Иваныч приказал, чтоб сей же час убрать бабуку. Теперь вот сына Анатолия женить будем. Никак ему нельзя, чтобы старуха мешала.

Тут я почувствовал, что и от Анны Матвеевны, и от всего этого крепкого, приземистого дома, от коров и овец, и от штукатурки Семеновского сахарного завода Ивана Ивановича Рыжих веет чем-то нестерпимо гнилостным. Будто я вдруг попал на дно старого высохшего колодца.

Спустя сутки я был в Красном Луче.

В сумрачной тени деревьев, подальше от любопытных глаз, стоит хата Марии Матвеевны Тюриной — второй дочери Анастасии Феокистовны.

Кивая на одного из двух своих сыновей, плечистых экскаваторщиков, Тюрина поведала:

— Женить вот Николая-то будем. Хлопот не оберешься. Не до бабки тут.

Начал я искать дом Ивана Матвеевича Белевского. Искал один дом, а нашел два. Один храбро выглядывает на улицу Советскую, другой стыдливо прячется в глубине сада и асфальтированного двора. Один дом служит кабинетом и спальней Ивану Матвеевичу, в другом обитает Матрена Львовна — супруга Ивана Матвеевича. А бабкина жилплощадь — весь двор. Заботливые руки Матрены Львовны и Ивана Матвеевича поставили на открытом воздухе коечку и столик. Живи, бабка!

БОГАТЫРЬ... В ХАЛАТЕ

В наш век привыкли к чудесам,
Понятны все явления.
И все ж на днях в кафе я сам
Застыл от удивления.

Там, в гардеробной, где пальто,
С глазами мутно хмурыми
Стоял, вы думаете, кто!
Не вру — Илюша Муромец!

Он без кольчуги был, без лат,
Шлем заменил он кепкою.
С трудом обтягивал халат
Его фигуру крепкую.

И я подумал:
«Сила есть,
Такой с десятком справится!
Ему б на трактор надо сесть,
Ему б в забой отправиться».

Ему б на стройку новых ГЭС
Пойти в тайгу сибирскую,
А он поближе к щам залез
С фигурой богатырскою!

Он подает плащи, пальто,
И по такому случаю
Сует монеты кое-кто
В ладонь его могучую.

...Хоть схож он с Муромцем на вид
И не обижен силою,
Духовно этот индивид
Созданье крайне хилое!

г. Иваново.

Игорь МАРТЬЯНОВ

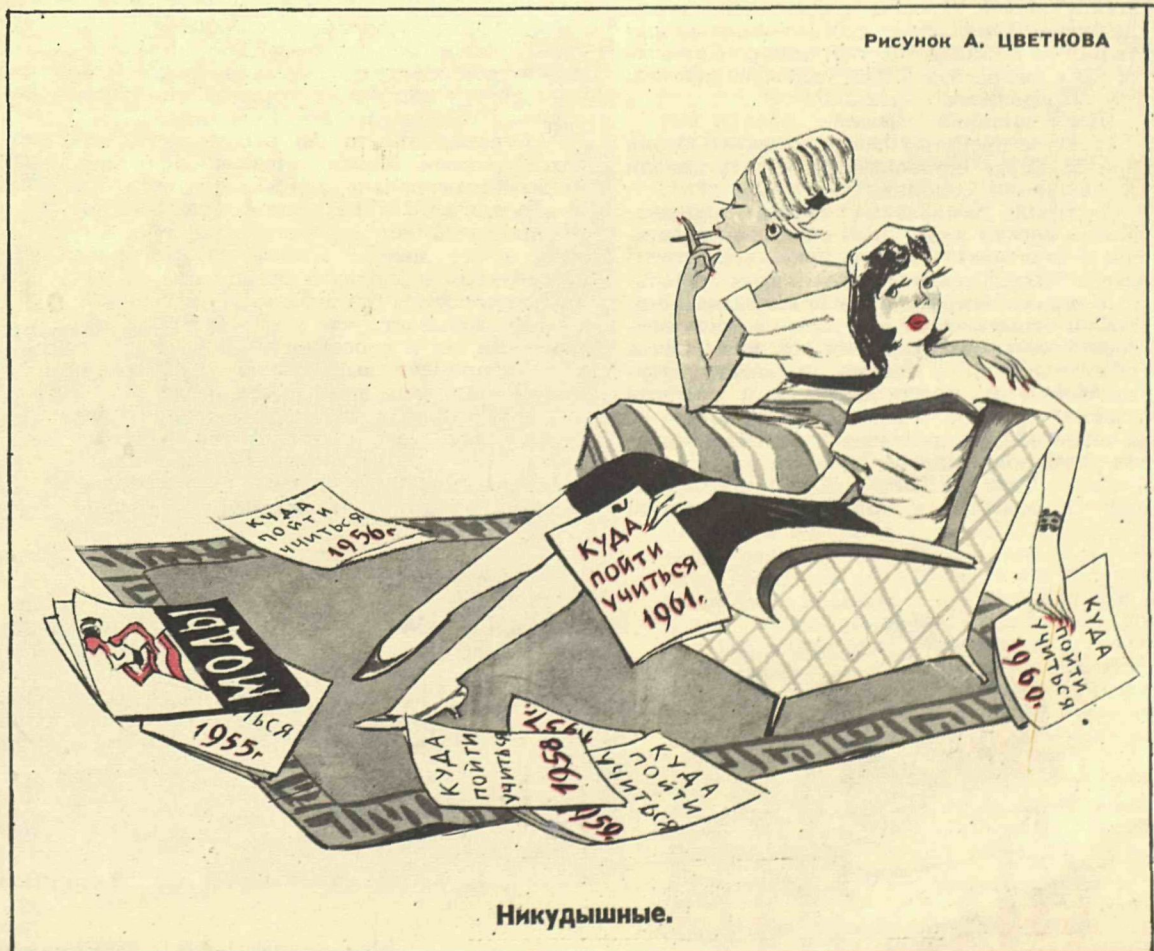

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Никудышные.

М. ДАНСКОЙ

ДОБАВКА

РАССКАЗ

ПЯТЫЙ пассажир появился в последнюю минуту. Это был поворотливый, напористый человек того возраста, когда парнем его уже называть неловко, а мужчиной вроде бы рановато. Хорошего баскетбольного роста, мясистый, словно слепленный из окорочков и отбивных котлет, он тем не менее двигался легко и размашисто. За спиной у него мотался туго набитый мешок, а руку оттягивал, видимо, немалой тяжести чемодан.

Он в два прыжка догнал уже тронувшуюся с места машину, сунулся щекастым лицом в кабину и что-то шепнул шоферу на ухо. Прошла одна, потом вторая секунда раздумья, и шофер пошел открывать багажник. По пути он, не глядя на пассажиров, хмуро объяснил:

— Гражданин с самолета, подвезем, тут недалеко.

Женщина с грудным ребенком, сидевшая впереди, обернулась к мужу и вполголоса спросила:

— Митя, почему ты молчишь? Ведь мы с ним договорились.

Доцент Дмитрий Николаевич Коржиков виноватым жестом поправил очки и оглядел сидевших с ним рядом тещу и семилетнюю дочку.

— Ничего, — сказал он. — Мы разместимся. Товарищу недалеко. В крайнем случае возьму Танюшку на колени, и все будет чудесно.

— Еще бы! — заметила теща. — Если бы этот битюг уселся вам на голову, вы бы нашли это еще более чудесным.

Дверца открылась, и пятый пассажир, широко ухмыляясь, с радостным криком: «Привет попутчикам!» — шагнул в машину, как в свою комнату. Он плюхнулся на сиденье и, пользуясь локтем, как стальным рычагом, отодвинул Дмитрия Николаевича. При этом он благожелательно приговаривал:

— Вот так! Ничего, ничего, вы мне не мешаете. Как-нибудь доедем. Подойдитесь-ка еще чуток. Вот так!

Танюша оказалась без места. Притиснутая теща молчала.

— Давай, газуй! — скомандовал пятый. — Минута — валюта!

Маршрутное такси Симферополь — Феодосия вырвалось на широкую магистраль. Свежий ветерок выдул из машины застоявшийся зной и тяжелое чувство неловкости. Дмитрий Николаевич, скособочившись, вытащил из кармана толстый номер «Правды» и, сияя умиротворяющей улыбкой, спросил:

— Продолжим, Катюша?

Жена кивнула головой.

Газету с проектом Программы КПСС они приобрели на автовокзале и читать начали в ожидании машины.

Дмитрий Николаевич точными движениями соннул хрустящие газетные страницы и стал читать вслух. Читал он на редкость выразительно, подчеркивая отдельные фразы интонациями и жестами. Иногда он отрывался от газеты и начинал восторженно комментировать то или другое положение. Хотя вместо привычной студенческой аудитории перед ним маячили только затылки жены и шофера, это не мешало ему с привычным блеском выражать волновавшие его чувства.

Когда Дмитрий Николаевич оглашал раздел Программы, в котором говорится об

осуществлении принципа распределения по потребностям, пятый пассажир оживился.

— Это вы точно прочитали, — спросил он, — или из головы?

— Что именно?

— Насчет бесплатных обедов.

— Как же! Вот напечатано, и неоднократно.

— А как насчет добавки?

— Простите, не понял.

— Насчет добавки, спрашиваю, не напечатано? Может, мне одного обеда мало будет. Я и сейчас четыре блюда зараз принимаю.

— Ну, уж будьте уверены, — успокоил его Дмитрий Николаевич, — при коммунизме обеды будут столь обильные, что жаловаться вам не придется.

— Да я и не боюсь, что голодным останусь. На худой конец заверну в шалман и на свои кровные добавлю. Меня добавка принципиально задевает. Положим, попрошу я второй шашлык. Дадут или не дадут? Вот в чем вопрос.

— Думаю, что дадут, — щедро пообещал Дмитрий Николаевич.

— То вы думаете, а вот в газете об этом ничего не сказано.

— Нельзя же в таком документе о каждой мелочи распространяться.

— Какая же это мелочь? — возмутился пятый пассажир. — Если добавку будут давать, значит, ее можно и с собой прихватить. Выходит, не только обедом, но и ужином я себя обеспечу, а то и завтраком. Со всем другой картина получается. На такую жизнь я согласен. Не возражаю.

— Странно как-то вы рассуждаете, молодой человек. Можно подумать, что коммунизм персонально для вас строится.

— А для кого же? Не для вас же. Вам через двадцать лет, извинюсь, если доживете, кроме манной каши, ничего и не потребуется. А я буду в самой силе, по моим потребностям без добавки никак нельзя.

— Вы забываете, что у вас не только потребности, но и способности. Я уверен, что к тому времени вы больше о работе, о творчестве будете думать, чем о еде.

Пятый разразился таким грохочущим смехом, как будто из его глотки вылетела серия ракет среднего радиуса действия.

— Ну и чудак вы, папаша! — проговорил он, прихлопывая пудовой ладонью хрупкое

колени доцента. — Какие у меня способности? Никаких у меня способностей нету. О работе при коммунизме машины будут думать. Знаете, какие машины строят? Я рядом с ними круглый дурак. Меня к ним и не подпускают. А мне и не надо.

— Простите, сейчас вы где работаете?

— Я? Колхозник!

— Вот видите. Полевод? Зоотехник?

— Не, к этому я не способен. Я при председателе. Где что достать, продать, обменять — там я. Вот в Мурманск смотался, кое-что раздобыл, кое-что сбыв. Председатель спасибо скажет.

— Да-а, — протянул Дмитрий Николаевич. — Ваша специальность не потребуется. Придется вам менять квалификацию.

— И не подумую. Я почему про добавку и спрашивал...

— Да не дадут вам никакой добавки. И куска хлеба не дадут, если работать не будете.

— Как так не буду? Буду. Какую-нибудь плевенькую должностишку и штампик в паспорте мне дружки навсегда устроят. На этот счет я спокойный. Мне бы только эти десять — пятнадцать лет прокрутиться, а там я развернусь. Правильные вы тут вещи читали. Вот, к примеру, про транспорт: трамваи, мол, автобусы бесплатно перевозить будут. А мне этого мало. Я иначе, как на такси, не согласен. Чтоб я в любой час мог по телефону — дзынь, подай легковушку без разговоров!

Машина неожиданно резко свернула с шоссе на разбитую проселочную дорогу. По глубоким колдобинам и ухабам, поросшим рыжеватой травкой, было видно, что их давно не тревожили колеса автомобилей. Стало потряхивать. Пятый пассажир забеспокоился:

— Эй, друг, ты куда свернул?

Шофер молчал. Пятый повторил вопрос и тронул его рукой за плечо.

— Убери лапу, — не поворачивая головы, прошипел шофер. — А то как шваркну!

Наступила тишина. Проехав еще километра четыре, машина остановилась. Шофер пошел к багажнику. Сначала в кювет полетел мешок, а за ним — чемодан. Шофер открыл дверцу и показал пятому на выход.

— Катись!

— Ты чего? Очумел? Я ж тебе...

— Вылезай, волчья шкура! Лишний ты тут. Ясно?

Пятый вылез. Он был выше и шире шофера, но, поглядев в его затвердевшие глаза, побледнел и отошел к вещам.

Машина развернулась. Всем стало свободно. Танюша уселась у окна. Теща улыбалась. Дмитрий Николаевич откашлялся и мягко заметил:

— Очень уж вы его жестоко...

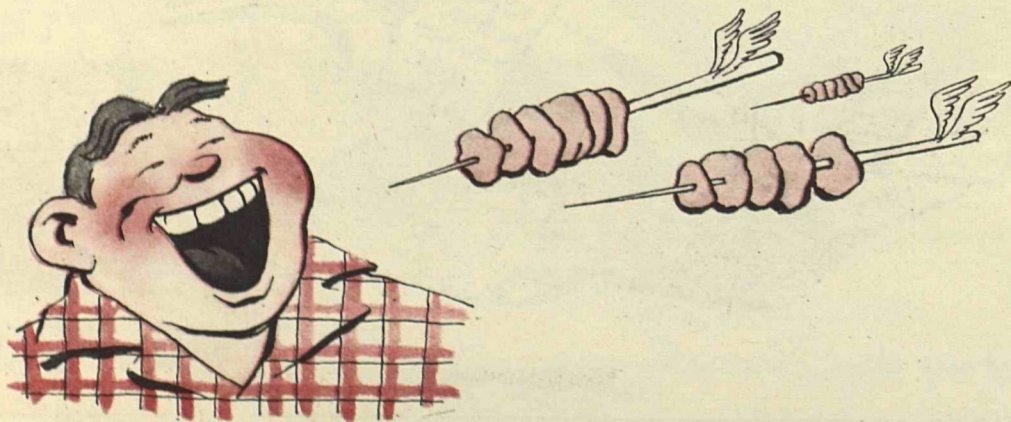
Шофер подвинул зеркальце и, глядя в упор на доцента, заговорил с откровенной злостью:

— Вы бы уж лучше помалкивали. Тошно мне на вас смотреть. Газету вы хорошо читаете и во всем разбираетесь, а на деле... Мы с вами как договаривались? Машину оплачиваете целиком, и никаких других пассажиров. Так?... А когда этот гад со своей пятеркой мне в душу влез и я его сажать стал, почему вы меня не посадили как следует? Почему не сказали, что нечестно поступая, не по-советски? Испугались. Вид показали, будто так и надо. Вот из-за таких, как вы, мямлей и портятся люди... А как вы эту шкуру тут перевоспитывали — «простите» да «пожалуйста»... Тьфу!.. Разве таких паразитов словами переделашь? Гнуть их надо, ломать и перемалывать... Как вы там читали: «Один за всех, все за одного»... А если один против всех? Значит, все против него и должны одним кулаком.

Дмитрий Николаевич замолчал надолго. Зато повеселевшая теща задала вопрос:

— Скажите, пожалуйста, а зачем мы сворачивали?

— А это ему добавка. Нельзя его на большаке оставлять: он через пять минут в другую машину влезет. А с проселка пусть пешочком потопает... Может, на пользу пойдет.

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО ФЛИТ-СТРИТУ

С огромным трудом мне удалось добыть стенограмму одной конференции, проведенной недавно на Флит-стрите.

Лорд Блатер—образцовый представитель нашей свободной, построенной на свободной конкуренции системы. Как таковой он владеет тремя крупными утренними газетами, несколькими вечерними и 165 еженедельниками.

Лорд собрал у себя всех главных редакторов своих изданий.

Лорд Блатер. А теперь, джентльмены, я надеюсь, вы поняли, что я не стал бы собирать вас здесь, в Лондоне, если бы не был принужден к этому чрезвычайными обстоятельствами. Как все вы знаете, я никогда не вмешиваюсь в редакционную политику своих газет,

но время от времени я беру на себя смелость внести кое-какие предложения. В конце концов мы живем в свободной стране, где каждый имеет право голоса. (Смех.) Повод, по которому я вас собрал,—это опубликование русской коммунистической Программы. Вы мне возразите, что мы уже подробно осветили ее. В моей главной газете было опубликовано подробнейшее ее изложение в пятидесяти словах на восьмой странице. Но достаточно ли этого? Всё ли мы делаем, чтобы объяснить ее сущность публике?

Программа, например, утверждает, что наша экономическая система неизбежно ведет к кризису. Не свяжут ли некоторые наши читатели это утверждение с нынешним экономическим положением в Англии? В конце концов сам министр финансов заявил, что мы переживаем кризис. И даже без его слов каждая хозяйка знает, что ей приходится тратить на все основные продукты все больше и больше денег. Цены растут. Поэтому я хочу, чтобы вы предложили свой план, как дезавуировать утверждения русской Программы.

М-р Браун из «Дейли плеск». Я уверен, что мы можем под орех разделить эту Программу. В Программе говорится, что интеллигенция на Западе все чаще начинает выступать вместе с рабочими. А у нас только что была забастовка учителей, в которой они совершенно самостоятельно выступали с требованием повышения заработной платы. Где же тут совместные выступления?

М-р Смит из «Ивнинг вопль». Беда в том, что в Программе они все время говорят о мире. Мы-то знаем, что они поджигатели войны, но как убедить в этом читателей? И, кроме того, их планы отменить плату за проезд и за квартиры вызывают особую реакцию у англичан, которым приходится все время сталкиваться с растущими ценами и на транспорт и за квартиры.

Лорд Блатер. Это уж ваше дело, как подать материал. Если вы не можете перехитрить русских, придется мне поискать тех, кто сможет это сделать.

М-р Робинсон из «Экономического обозрения». Я с вами полностью согласен, лорд Блатер, но поймите наши трудности. Я все время пишу, что планы русских нереальны и что к 1980 году они не выполнят того, о чем говорят. Но, представьте себе, даже такой солидный журнал, как «Экономист», пишет, что шестикратное увеличение выпуска продукции или годовое производство 250 миллионов тонн стали вполне достижимо с точки зрения ежегодного прироста продукции у русских. Коллеги из «Экономиста» также говорят, что русские планы сокращения рабочей недели и всеобщего среднего образования кажутся очень привлекательными для миллионов людей.

Лорд Блатер. Что? Они это говорят? Как они смеют? Сегодня же прикажу секретарю купить все их акции. И когда журнал «Экономист» будет принадлежать мне, тогда уж я позабочусь, чтобы он стал по-настоящему патристическим и здравомыслящим изданием.

Теперь слушайте. Как вы будете это делать, думайте сами. Но необходимо дискредитировать русский план. Я знаю, это нелегко, особенно когда сам Макмиллан говорит о необходимости планирования, но вы должны это сделать. Может ли кто-нибудь из вас надеяться, что у нас на Западе в течение двадцати лет будет наблюдаться экономический рост? Сколько я себя помню, каждые несколько лет у нас бывают экономические кризисы. И если так будет и впредь, рядовой рабочий повернется к коммунизму, ибо только коммунизм может обеспечить ему более короткую рабочую неделю и бесплатное жилье.

...Я предоставляю вам полную свободу действий. Пишите что хотите, но докажите, что русский план—беспочвенная, утопия. Если вы этого не сможете сделать, боюсь, что вы потеряете работу, прежде чем состаритесь. И я тоже.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Военный министр ФРГ Штраус назвал Аденауэра «отцом бундесвера».

Папа-канцлер и его незаконнорожденные дети.

Перевод с английского.

У ПОДНОЖИЯ НЕБОСКРЕБОВ

ДОРОГА ЧЕРЕЗ СОКОЛЬНИКИ

Разными путями можно попасть в Америку. Провод — через Гавр или Марсель. По воздуху — через Париж или Копенгаген. Можно попасть и по суше — через Сокольники.

Я воспользовался этим путем. Осенью позапрошлого года на американской выставке в московском парке «Сокольники» я провел несколько часов в Соединенных Штатах. И получил полезные сведения об американской демократии, об американском образе жизни, об американской технике и промышленности.

Демократия демонстрировалась в отделе мод. Мы увидели платья для простых американок и узнали, что они шиты тем же портным, который шьет для жены президента. Техника и образ жизни демонстрировались на кухне. Автоматическая электрокухня оказалась способной принимать на себя все тяготы домашнего хозяйства, кроме оплаты счетов за электричество.

В Сокольниках было на что посмотреть. Но особенное значение приобретало все это, когда посетителям сообщали, что «в отличие от обычных выставок американская показывает не лучшие образцы, а только средние, доступные каждому гражданину Соединенных Штатов».

Здесь я принял решение при первой возможности посетить Соединенные Штаты, чтобы собственными глазами увидеть то «лучшее», что скромные американцы не нашли нужным привезти в Москву.

НОСТАЛЬГИЯ И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ

И вот эта возможность представилась. Я в Америке. Не в Сокольниках, а в Нью-Йорке. Вокруг меня стоят самые настоящие небоскребы, мимо меня идут настоящие американцы. До сих пор я видел их только в голливудских фильмах, теперь вижу в натуре. Необходимо с ними поговорить. Нужно найти самого что ни на есть типичного, стопроцентного американца. Признаюсь, по наивности я полагал, что стопроцентный американец должен быть прямым потомком если не Колумба, то, во всяком случае, первых поселенцев. Однако джентльмен средних лет с типично американским квадратным подбородком и типично американскими мешками под глазами, к которому я обратился, оказался родом из Марселя. Газетчик, сидевший в пестром, как цирковая реклама, газетном киоске на углу Пятой авеню и Тридцать четвертой улицы, к каждому английскому слову примешивал три итальянских. Портье в отеле говорил одинаково плохо на пяти языках, включая и английский... Наконец мне, кажется, повезло.

Это было в городе Дирборн, знаменитой автомобильной столице, где находится фордовский завод «Ривер Руж». На одной из улиц, сплошь застроенной одноэтажными домами, стоял у крыльца крепкий старик в синем комбинезоне и посасывал черную трубку.

— Здравствуйте, как поживаете? — сказал я на таком ломаном английском языке, что даже американ-

цам он должен был показаться ужасным. — Я вижу, что вы стопроцентный американец. Я хотел бы с вами познакомиться.

— Очень приятно, — ответил старик на еще более исковерканном английском языке. Он протянул руку: — Бывший рабочий Форда. Живу в Америке 50 лет. В 1910 году эмигрировал из Терещенского уезда под Киевом.

Я поспешил перейти на русский язык.

— Украинец?

Мой собеседник тоже перешел на русский.

— О, ес! — радостно воскликнул он. — Май нейм тут на дверной дощечке: Билл Биколло...

Я продолжал поиски стопроцентного американца. В Нью-Йорке мне посоветовали пойти в мюзик-холл «Радио сити».

— Вы увидите там подлинно американское искусство балета.

Балет был действительно прекрасный. Сто девушек работали, как одна. Их движения были изящны и гармоничны. Я заглянул в программку и прочитал: «Постановка Леона Леонидова».

— Что же тут дурного? — удивился один американец из Парижа. — Так уж сложилась история Америки. И дело не в том, где человек родился, дело в том, что он считает своей родиной.

— Это верно. Ну, а вы? Что вы считаете своей родиной?

— Соединенные Штаты, — ответил он быстро и по-заученному. Потом замолчал, глаза его затуманились, и он добавил голосом теплым и расслабленным: — Я, знаете ли, оставил завещание, чтобы, когда я умру, меня похоронили в Париже, на кладбище Патиноль, рядом с мамой...

Это был один из сотен тысяч людей, которых судьба забросила в Америку и которые не нашли здесь своей родины. Рожденные в разных углах земного шара, они гнут спины на американских заводах и на американских полях. И лишь в недолгие часы, свободные от борьбы за существование, они поднимают затуманенные глаза куда-то вдаль, туда, где осталась их настоящая родина. Американские врачи утверждают, что это просто такая болезнь, называется она «ностальгия», в просторечье — тоска по родине. И она поддается лечению так же, как ангина или ревматизм. Видимо, в больших ностальгией в Америке нет недостатка. На одной из главных улиц Нью-Йорка мне попалось на глаза такое объявление:

«Никогда не отчаивайтесь!

Лечение от ностальгии естественным методом.

Д-р Миллер».

Говорят, что естественный метод доктора Миллера весьма прост: спрятав в карман солидную мзду, он дает заболевшему мудрый совет — вернуться на родину.

АМЕРИКАНЦЫ «СТОПРОЦЕНТНЫЕ»

Познакомившись ближе с жизнью в Америке, я понял, что «стопроцентный американец» — это понятие не национальное, а моральное. Даже человек, только вчера приехавший в Штаты, может стать «стопроцентным американцем», если он убежден, что доллар — венец творения и смысл жизни.

Стопроцентный американец смотрит на вас холодными глазами, как оценщик в ломбарде. Вы можете изображать из себя кого угодно: стопроцентный определит, сколько вы стоите, с первого взгляда. В зависимости от результата оценки он либо подобострастно вам улыбнется, либо посмотрит сквозь вас.

Стопроцентный не упустит возможности заработать доллар, но не переплатит ни цента, хотя на цент в Америке нельзя ничего купить.

«Защитном плену, скую природяют, будто родным капсти и «демонречия, «урав

«НАРОДНЫЙ» КАПИТАЛИСТ: — Я с моим работ...

Стопроцентный американец до ханжества набожен, но, часами простаивая в церкви, он не просит у господа бога ни глубокого ума, ни доброго сердца. Он просит лишь доллары. Стопроцентный убежден, что на доллары можно купить и ум и сердце.

Стопроцентный американец — это не создание природы, это продукт обработки. Капитализм — вот гигантское предприятие, на котором вырабатывают стопроцентных американцев с цепкими пальцами, приспособленными для подсчитывания выручки, с холод-

ники буржуазного строя, стремясь удержать массы в духовно-изобретают все новые «теории», маскирующие эксплуататору буржуазного строя, приукрашивающие капитализм. Они уве- современный капитализм изменил свою сущность, стал «на- тализмом», в котором происходит «рассеивание» собственно- ратизация» капитала, исчезают классы и классовые противно- ниваются доходы»...

(ИЗ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ КПСС)

...им ем из одной чашки!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ными глазами, не видящими в мире никакой теплоты, с узкими лбами, под оболочкой которых мечты одно- образны, как голливудские фильмы.

Я нашел немало стопроцентных американцев, счастливых своей пестрой, крикливой и малоодухотворенной жизнью. Они представляли собой полную противоположность честным, добродушным, трудолюбивым, измученным борьбой за существование средним американцам, для которых титул «стопроцентный» равноценен оскорблению.

ТОРГОВЕЦ ВОЗДУХОМ

Это был краснощекий толстяк с пухлыми руками и огромной сигарой во рту. Он сидел в тенистом уголке русского ресторана «Соловей» на углу 7-й авеню и 34-й улицы и потягивал ледяное сода-виски. В ресторане не оказалось свободных мест, метрдотель усадил меня к столику толстяка. Несколько минут мы сидели молча, затем толстяк бросил в пространство:

— Жарко.

— Нечем дышать, — согласился я.

Толстяк оживился.

— Знаете ли вы, что представляет собой нью-йоркский воздух? Это смесь из водорода и бензиновых испарений. Местные жители выживают лишь потому, что они не знают химии. И вот в такую жару мы сидим с вами за столиком и дышим. Легко, свободно, чистым, хорошим воздухом. Вы знаете, чей это воздух?

— Нет, — сказал я.

— Мой.

Я слегка отодвинулся от собеседника. — То есть теперь он принадлежит хозяйну ресторана. Я ему этот воздух продал. У вас на родине тоже, наверно, жара и бензин? Вам тоже, наверно, нужен хороший воздух?

— Вы изобретатель? — попытался догадаться я.

— Нет, я торговец.

— Чем же вы торгуете?

— Воздухом. Разрешите представиться: Дженкинс.

В старой юмористической литературе существовал такой персонаж: торговец воздухом. Это была жалкая фигура. А передо мной сидел преуспевающий бизнесмен.

— И это выгодное предприятие — торговля воздухом? — спросил я.

— Еще был! Когда человек задыхается, он платит за воздух охотнее, чем за виски. А за виски он платит охотнее, чем за мясо. Вот и получается, что воздухом торговать выгоднее, чем мясом. Я недавно купил новую партию установок «Эр кондишен». Пальчики оближете! Не шумят, влажный воздух высушивают, сухой увлажняют, холодный согревают, горячий охлаждают. Все вместе — очищают. Индивидуальный аппарат для квартиры — двести пятьдесят долларов. Для предприятий — усиленный образец.

— А если у человека нет двухсот пятидесяти долларов? — вырвалось у меня.

Его глаза стали холодными, как будто к ним подключили усовершенствованный аппарат для кондиционирования.

— А пусть он тогда задыхается, если не умеет делать деньги! — воскликнул толстяк и захохотал.

Это был стопроцентный американец.

МАМА

Бродвей — самая длинная улица в мире. Но только один ее километр, находящийся в центре острова Манхэттен, представляет собою тот шумный, залитый огнями Бродвей, который так любят снимать американские кинематографисты. Здесь и на прилегающих авеню и стритах теснятся театры и кино, а между ними до поздней ночи светятся ночные магазины. Тут всегда полно гуляк, здесь бродят разные темные личности из числа стопроцентных, еще не нашедших счастья или уже успешных его потерять. В ночных магазинах не столько покупают, сколько играют. К услугам ловцов удачи всевозможные механические игры. Самая популярная игра — «пен-болл мешинз». За небольшую плату играющему выдают несколько маленьких мячииков. Он должен закатить их в лузы. Если набрать определенную сумму очков, можно выиграть радиоприемник или стиральную машину. Все дело в том, что определенную сумму очков может набрать только человек, родившийся в рубашке. Тем не менее играющих всегда много.

Было двенадцать часов ночи. В ярко освещенном магазине перед «пен-боллом» сидела худенькая девочка лет десяти. Рядом с ней стояла мама. У мамы, видимо, было что-то не в порядке со зрением, она

все время снимала и надевала очки. Девочка бросала мячики в лузу.

— Хорошо, — инструктировала ее мама. — Ты набрала уже сорок три очка. Выбей еще два раза по двенадцати — и стиральная машина наша.

Девочка пустила два мячика. Один попал в лузу с цифрой «5», другой — с цифрой «11». Мама отвесила девочке звонкую пощечину, девочка заплакала. Мама очень хотела выиграть стиральную машину. Девочка очень хотела спать.

— Начнем еще раз, — сказала мама.

Это была стопроцентная американка. Она растила девочку в таком же стопроцентном американском духе.

ЖИЗНЬ МИЛЛИОНЕРА

Однажды после обеда переводчик сказал:

— Вам повезло. Сегодня вечером вы приглашены к мистеру Л. Это очень богатый и влиятельный человек. У него 12 фабрик, на которых работают 2 тысячи рабочих, он монополист производства детской одежды чуть ли не во всей Америке, у него собственный «Ролс-ройс» стоимостью в 15 тысяч долларов, он личный друг Гарри Трумэна и Нельсона Рокфеллера, у него миллионы в предприятиях, ценных бумагах, на банковских счетах. Вам повезло. И мне тоже. Без вас я бы никогда не попал в такое общество.

Мистер Л. — сухопарый старик с острым носом и быстрыми глазами. Он задает вопросы, но не слушает ответов: на каждый вопрос у него имеется собственный ответ, и переубедить его невозможно.

Кое в чем он пытается меня просветить. Знаю ли я, что в Америке нет нищих? Нищенство запрещено.

— Однако только сегодня я видел на улице слепого с жестяной кружкой в руках. Он шел, позвякивая монетами. Разве это не нищий?

— Нет, это член организации слепых. Он просит не только для себя, но и для организации.

Попутно мне сообщают, что в Нью-Йорке нет бродяг и пьяниц. А как быть с Бауэр-стрит? Эта улица находится на окраине острова Манхэттен, недалеко от Бруклинского моста. Бауэр-стрит — узаконенный район бродяг и пьяниц. Людей, потерявших работу, надежду и власть над собой, полицейские машины свозят на Бауэр-стрит и сваливают здесь, как дрова. Здесь им предоставляется возможность отвести душу, как им вздумается.

Мистер Л. улыбается. О да, это очень забавный район! Мистер Л. иногда туда езжает. Там находятся лучшие в Нью-Йорке антикварные лавки. Странное соседство? Ни чуть. Человек расстается с дорогими ему вещами лишь тогда, когда приходит беда. А от этого уж один шаг до подзаборного пьянства.

Да, не пора ли выпить? Мистер Л. показывает ключ. Это ключ от дверей ночного клуба «Газовый свет». В этом клубе хорошо оплачиваемые красотики в серебряных купальных костюмах возьмут старого джентльмена за подбородок, и, может быть, он еще почувствует себя не таким дряхлым. В обмен за ласки-взоры он швырнет блондинкам в купальниках толлику из тех денег, которые приносят ему тысячи рабочих, потеющих на двенадцати фабриках без «Эр кондишен»...

Американская демократия заключается в том, что никому не возбраняется стать миллионером. А если миллионером удается стать только одному из миллиона, в этом не вина демократии. Тот, кому удалось, тот и есть лучший. И он будет служить образцом для других.

Не эти ли «лучшие образцы» американской современности подразумевали устроители выставки в Москве? Если эти, то, пожалуй, они правильно сделали, что оставили их за океаном...

Соединенные Штаты.

МОЕ ОТКРЫТИЕ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

ПРЫЖОК К ОКЕАНУ

Кто-то остроумно заметил: Дальний Восток назван «Дальним» потому, что он расположен очень далеко от такого, например, центра страны, как Москва. Редакцию Крокодила эта мысль так поразила, что за всю почти сорокалетнюю историю журнала никто из крокодилцев ни разу не сделал попытки достичь берегов Тихого океана. Этого не случилось даже в тридцатые годы, когда Крокодил обзавелся собственным самолетом «АНТ-9», специально оборудованным по проекту Андрея Николаевича Туполева. Столичных сатириков, вероятно, по-прежнему пугало расстояние.

Понадобилось еще одно творческое усилие нашего замечательного авиаконструктора, чтобы такое путешествие оказалось возможным.

Итак, воздушный лайнер «ТУ-114» на стартовой площадке Внуковского аэродрома. На его борту в числе ста семидесяти пассажиров три хмурых человека. По их виду можно сразу определить, что это юмористы. Им предстоит встреча с сатириками Дальнего Востока, и поэтому они заняты обдумыванием остроумных шуток, которыми обмениваются со своими собратьями по перу.

Из состояния мрачной подавленности юмористов выводит легкий толчок. После восьми с половиной летных часов «ТУ-114» сделал посадку в Хабаровске. Произошло чудесное превращение: юмористы сразу повеселели. И было отчего. Ведь теперь из небесных путников, свободно парящих на высоте одиннадцати тысяч метров, они стали обыкновенными земными транзитными пассажирами, а уж одно это сулило сатирикам очень многое.

Так и есть, самолета во Владивосток сегодня не будет. А завтра?

— Завтра и узнаете, — зевая, отвечает пожилая сотрудница справочного бюро. — Не спешите жить, молодые люди, щадите вашу нервную систему.

На лицах юмористов появляются улыбки. Впервые за последние девять часов.

Но что это, юмористы уже хохочут? Конечно, они узнали, что переночевать негде, так как гостиница аэропорта давно переполнена.

Вдоволь налюбовавшись огнями ночного Хабаровска, путешественники под утро возвращаются в аэропорт. Тут настоящее сонное царство. Люди похрапывают на стульях и на полу, дремлют на прилавках киосков с сувенирами, видят сладкие сны, скрючившись в три погибели в будке телефона-автомата. Особенно густо транзитный пассажир лежит на втором этаже, где расположен кабинет начальника аэропорта тов. Андреева. Спасибо ему за то, что он приходит на работу в девять часов утра — ведь у дверей его кабинета так сладко спится!

На рейсовый самолет Хабаровск — Владивосток юмористы сели в твердом убеждении, что руководители Аэрофлота не хотят терять дружбу с Крокодилом и будут и

впредь поставлять ему материалы для фельетонов, юморесок и карикатур...

Но как бы там ни было, а затянувшийся прыжок к океану близился к завершению. Под крылом блеснули зеленые тихоокеанские дали, и в изумрудной оправе прибрежной волны показался Владивосток...

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Верите ли вы в любовь с первого взгляда? Мы — да. Потому что сразу же полюбили Владивосток, как только взглянули на него с вершины Орлиной сопки. (Тут следует описание красот с таким количеством восклицательных знаков, которое никак не укладывается на страницах Крокодила.) Так же красив, неотразим Владивосток и с моря. (Опять идут на менее горячие и не менее длинные описания, подкрепленные бесчисленными междометиями восторженного характера.)

Владивосток производит впечатление спящей красавицы, которая, проснувшись, обнаружила вдруг, что выросла из всех своих нарядов. Приморский край неудержимо растет и расцветает. Осваивать приморскую целину, строить новые предприятия едут многие тысячи и тысячи энтузиастов, а наряды — жилья, клубы, школы, дороги, транспорт — новому городу и краю явно не по мерке.

И теперь красавица спешит наверстать напрасно упущенное время.

Только за семь лет в городе будет построено миллион шестьсот тысяч квадратных метров жилой площади! Да это же больше того, что было создано за все сто лет существования Владивостока!

За два-три года на пустыре создана мощная база строительной индустрии — завод домов, где будут ежегодно изготавливаться детали для 315 тысяч квадратных метров жилья!

Мы ходили по городу, сопровождаемые радушными хозяевами, и любовались:

красивым морским вокзалом, контуры которого проглядывают уже сегодня; путепроводом, который свяжет воедино все районы города;

фуникулерами, способными за несколько минут взметнуть человека на вершину самой высокой сопки.

Кстати, о сопках. Когда нам приходилось подниматься на них по Суйфунской, Первомайской или Дзержинской улицам, на наших лицах снова появилась улыбка.

— Чему вы улыбаетесь? — спросил нас какой-то прохожий.

— Да вот мы подумали, что если бы расставить на этих кручах несколько скамей для отдыха, то подниматься было бы куда веселее.

«ДИСКОМФОРТНЫЕ» БЛИЗНЕЦЫ

— В 1961 году во Владивостоке должно быть построено 153 тысячи квадратных метров жилья! — сообщили нам хозяева города, показывая раскинувшийся на Спортивной улице жилищный массив. — А теперь проследуем на Беговую.

На Беговой мы смущенно и тактично заметили нашим провожатым:

— Вы, вероятно, ошиблись и опять привели нас на Спортивную.

Но, как оказалось, никакой ошибки не было: дома на Спортивной, Беговой и в Минном городке были поразительно похожи друг на друга, словно близнецы, которых не могла бы отличить и родная мать. И тут мы опять невольно расхохотались: а что если сюда, в эти одноликие, вернее, безликие, кварталы поселить товарищей из Гипрогора, которые проектируют дома по образцу и подобию печально известной серии «1-447»? Забудутся, ей-ей, забудутся...

Шальная мысль — поселить сюда проектантов из Гипрогора — снова пришла нам в голову, когда на Беговой или Спортивной —

за точность адреса не ручаемся — мы увидели балконы, украшенные одеялами, простынями, подушками, одеждой. Нет, то не были опознавательные знаки для новоселов, чтобы они могли узнать свои квартиры: новоселы просто сушили белье и одежду. Поскольку проектные институты упустили из виду суций пустяк — «климатическую дискомфортность географических областей Дальнего Востока». Короче говоря, проектанты забыли о непомерно влажном климате Приморья, о сильных муссонных ветрах... За такие глубокие знания географии в пору поставить двойку.

— Это что! — говорят владивостокцы. — Взрослому не мудроно забыть то, что он зубрил в четвертом классе. А вот что вы скажете о министре морского флота товарище Бакаеве, который начисто забыл дела совсем недавних дней?

И повели нас на исторические места — на шестой и четырнадцатый километры живописного побережья Амурского залива. Здесь нет пока мемориальной доски, извещающей о том, что именно на этом месте еще в 1960 году Министерство морского флота должно было построить два пирса. Но 1960 год благополучно минул, а причалов нет и в помине.

СВИДАНИЕ СОСТОЯЛОСЬ...

Свидание, ради которого Крокодил совершил прыжок из Москвы к Тихому океану, состоялось. Крокодилы встретились и познакомились со своими читателями-владивостокцами.

Встретились и познакомились с сатириками Приморья, Камчатки, Хабаровского края, Приамурья, Магаданской и Южно-Сахалинской областей.

Никакие коммюнике о встречах с читателями и сатириками не были обнародованы. Одно можно бесспорно отметить: встречи прошли в духе взаимопонимания. Обе стороны твердо договорились:

— Вы нам с Дальнего Востока письмо, а мы вам карикатуру.

— Вы нам с Дальнего Востока фельетон, а мы вам свежий номер Крокодила с этим фельетоном.

Одним словом, да здравствуют встречные перевозки! Нет, нет, мы не за то, чтобы с Дальнего Востока в Москву шли жалобы на отсутствие в магазинах самых простых вещей, а с запада — из Москвы, Перми, Казани, Тюмени — шпелонами шли на Дальний Восток задвижки для дверей, крючки, кастрюли, кофейники, кувшины, миски, тарелки, грабли и... прищепки для белья. Это, возможно, и устраивает начальника управления местной промышленности Соловьева, но никак не устраивает жителей Приморья.

Итак, хотя и с некоторым запозданием, открытие Крокодилом Дальнего Востока все же состоялось. Будем надеяться, что последствия этого открытия будут одинаково полезными и для журнала и наших друзей у Тихого океана.

**Е. ВЕСЕНИН,
И. СЕМЕНОВ,
М. СЕМЕНОВ,**

специальные корреспонденты Крокодила

Петров крест

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, что какому-нибудь лесному паразиту — чешуйнику или шелкопряду — выдали проездные и подъемные. Да еще снабдили спецодеждой, чтобы его, лесного паразита, не исклевала какая-нибудь птица.

— Чепуха! — скажет недоверчивый читатель. — Где такое видано? Назовите адрес.

Увы, адресов много. И, как ни странно, лесные паразиты распространяются иногда из вербовочных пунктов. Да, именно здесь снабжают подчас паразитов и подъемными и проездными...

Однажды в Успенский химлесхоз из Свердловского обласполкома явились с вербовочными путевками три добрых молодца: Нигматулла Таразов, Виктор Голловин и Шафкат Сулейманов.

— Поедете на Удинский лесучасток, — посмотрев их документы, со вздохом сказал директор химлесхоза.

А вздохнул он потому, что трудовые книжки добрых молодцев были удивительно похожи одна на другую. Сорок седьмая статья КЗОТа так и мелькала на каждой строчке этих книжек. Годик в одном месте, полгода в другом, а то и всего два месяца.

— А не послать ли их нам на Бабановский участок? — предложил работник по кадрам. — Там вздымщики требуются.

— На Бабановский таких работников уже посылали, — опять же со вздохом сказал директор. — Или ты забыл Горностаева?

Забывать Евгения Горностаева невозможно. Он вписал романтическую страницу в скучную лето-

пись сбора живицы и смолукурения Успенского химлесхоза. И он вписывает ее до сих пор, отдыхая на мягких мхах, с бутылкой в изголовье. Евгений Горностаев, числясь вздымщиком, фактически состоит на иждивении лучшей сборщицы химлесхоза, поскольку зарабатывала она «до роковой встречи» вполне прилично...

Однако вернемся к трем дружкам-товарищам, которые в новых, только что полученных спецовках вошли под сень краснокожих восен.

— Грибками, ребята, пахнет! — сигнализировал Сулейманов. — Не иначе как груздевое тут место. Сдается мне, что если сейчас вернуться на Удину в общежитие, то соленый гриб у нашей сторожихи непременно найдется!

Заслышав такие речи, химлесхозовский мастер начал слезно умолять работников потрудиться в лесу хотя бы недельки две.

— Поймите, что план срывается. В химлесхозе главное — погода! Пойдут дожди, тогда и займитесь солеными грибками!

Но какой уж тут сбор живицы или смолукурение, когда под ноги то и дело лезут грибы! И получается, что смотришь на груздь, а видишь почему-то свои новые спецовочные сапоги и чувствуешь, что они тебе вроде лишние...

А когда человек остался в лесу босым, то на кой ляд, спрашивается, ему брезентовая куртка

и штаны? Пьяницы уверяют, что трезвенники-комары кусают только непыющих.

К концу первой недели со спецодеждой было покончено. Водочные запасы удинского невзрачного магазинчика тоже поиссякли. Ни живицы, ни смолы в Успенском химлесхозе не прибавилось.

— Это какой-то крест, а не работники! — сокрушались химлесхозовцы. — Разденут они нас и по миру пойдут!

И тут кто-то вспомнил, что лесные паразиты чешуйники, которые присасываются к корням деревьев, называются в народе петровым крестом. Жаль, однако, что химлесхозовцы, догадавшись, какой враг пьет их соки, не стряхнули их со своих корней, а стали ждать, как будут развиваться события дальше.

Развивались же события отнюдь не в благоприятную сторону.

— Скучно мне тут! — сказал однажды Сулейманов. — Среди этих сосен никакого разнообразия. И водка кончилась. В общем, пора нам, братцы, писать заявление об уходе. По семейным обстоятельствам.

В тот же вечер, поручив друзьям написать заявление, он укатил в Свердловск, а друзья, лишившись рулевого управления, подались в ближайший населенный пункт, чтобы малость поразвлечься.

Вслед за тремя друзьями ушла

из лесу высокопроизводительная химлесхозовская пила «Дружба» стоимостью в 120 рублей.

Пропаже никто и не удивился. В Успенских лесах это случается. Каковы кадры, таковы и последствия! Удивились в химлесхозе другому. Наглости Сулейманова, который, вернувшись из Свердловска, зашел в кабинет к директору, чтобы кое-что сказать ему на ушко.

— Знаю, дорогой, о чем ты печалишься. У тебя пропала пила «Дружба». Ай-яй-яй, как нехорошо! Если с такой пилой да наняться в колхоз на валку леса, ба-альшие деньги заработать можно.

— Ты знаешь, кто ее украл? — встрепенулся директор.

— Знаю, — скромно опустил очи Сулейманов. — Отдай мне мою трудовую книжку, и я тебе скажу. Напиши в ней, что я уволен по семейным обстоятельствам. И два моих дружка тоже. Вот спасибо, дорогой! Теперь слушай. Поезжай ты сейчас на Удинский участок и посмотри, что стоит в углу у сторожихи тети Юли.

И, сказав это, Сулейманов растаял, как дух.

А директор помчался на Удину посмотреть, что стоит в углу у сторожихи тети Юли.

В углу действительно кое-что стояло. Там, поблескивая пустыми жерлами, стояли тридцать водочных бутылок. Визитные карточки тунеядцев.

Лариса ФЕДОРОВА,
специальный корреспондент
Крокодила.

Заводоуспенское,
Свердловской области.

— Цените лесные богатства, как свои!
— Будет сделано!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА.

ВЗАИМНАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ

Бывали ли вы в Гаграх? С одной стороны горы высокие, с другой — море безбрежное. Туда пойдешь — в Старые Гагры придешь, обратно — в Новые. Сказочный уголок! Впрочем, и происшествие, о котором пойдет речь, тоже почти фантастическое.

Жил-был в Старых Гаграх некий гражданин. Жил-поживал, дом нажил, машину приобрел, стал скупать ценности.

И вдруг владельца «Волги» куда-то вызывают и о чем-то спрашивают. Гражданину, конечно, все ясно, но он делает вид, что ничего не понимает.

— Где вы работаете?

Гражданин наивно улыбается.

— На какие средства живете?

Гражданин прикидывается несмышленишем.

— Ой, ой! — вдруг догадался начальник милиции. — Да ведь это же настоящий тунеядец! Его надо выселить. Сейчас же! Немедленно!

И тунеядца выселили. Правда, не очень далеко. Не то в Ткибули, не то в Чиатури.

Но тунеядец и на новом месте не стал заниматься общественно полезным трудом. Он прибежал в горсовет, стал требовать квартиру в самом центре, со всеми удобствами.

— Ой, ой! — сказали в горсовете. — Да на что нам нужен этот дармоед?! Пусть проваливается, откуда приехал!

И тунеядца выселили вторично.

Куда? Да опять же в Гагры. Только уже не в Старые, а в Новые. Гражданин тунеядец вновь очутился у самого Черного моря, под сенью роскошных пальм и благоухающих магнолий.

Начальник милиции выходит утром из дому, отправляется на работу и видит: навстречу, приветливо улыбаясь, весело шагает старый знакомый.

— Как! Ты опять здесь?

— Здесь. Только я уже не тунеядец, а активный труженик городской торговой сети.

Бдительный страж общественного порядка забурлил было, как молодое вино, хотел схватить проходимца за шиворот, а тот встал за прилавок ближайшего ларька и указал стражу на табличку, которая красовалась над головой тунеядца, как охранная грамота: «Продавец и покупатель, будьте взаимно вежливы!».

— Да ведь это же сказка! — благодушно улыбнулись уважаемые отцы курортного города. — А факты где?

«Факты», как уже было сказано выше, стоят за прилавком. Есть в Новых Гаграх эталонное самодельное Сити — коммерческий пяточок. На пяточке — магазины. И около каждого, как цыплята вокруг наседки, толпятся палаточки, ларечки, деревянные будочки. На первый взгляд все обстоит чин чинном. Ларьки как ларьки, хотя и без опознавательных знаков ведомственной принадлежности. Товары как товары, хотя и без ярлычков. И продавцы... А вот продавцы, оказывается, совсем не продавцы. Все эти несущие коммерческую вахту люди в торговой сети не числятся и вообще нигде не работают. Один торгует за двоюродного брата, другой — за троюродного. Некто Аджиашили «подменяет дядю». Некто Израиллашили «помогает тетке».

— А вы, гражданин?

— За невесту, дорогой товарищ, за невесту. А что?

Вот вам и «факты».

Не так давно Сити-пяточок посетили общественные контролеры. Они проверили восемь будочек и обнаружили за прилавком ровно восемь нигде не работающих торговцев-тунеядцев.

Представители общественного контроля попросили управляющего местным отделением Курортторга тов. Кокая поделиться своими соображениями по затронутому вопросу.

Будем справедливы, тов. Кокая оказался человеком оперативным. Он лично и незамедлительно прибыл к месту скандального происшествия.

Сдвинув на затылок пестрые кепи, замерли по команде «смирно» продавцы. Лихо салютуя деревянными метрами, четко отдали рапорт завмаги. Растроганный с головы до ног управляющий повернулся спиной к злополучным будкам и, обращаясь к представителям общественного контроля, сообщил:

— В Курортторге полный порядок. наших ларьков я здесь не вижу.

Но на Курортторге свет клином не сошелся. В Гагре есть другая торгующая организация — потребительская кооперация. Председатель райпотребсоюза тов. Гватуа тоже побывал в торговых рядах.

— Нет, нет! — сказал он. — Эти позорные будки не имеют отношения к нашей образцово-показательной системе.

Оставалось одно: применить небольшую военную хитрость и устроить руководителям торгов очную ставку. Прямо на пяточке. Общественные контролеры так и решились поступить.

Но тут, дорогой читатель, кто-то взмахнул волшебной палочкой — и все сомнительные продавцы из-за прилавков исчезли. Затем последовал новый взмах — и вслед за продавцами улетучились и сами палатки, будки, киоски и ларьки.

С расчищенного пяточка открылся чарующий вид на задумчивую кипарисовую аллею и пленительную гладь Черного моря. Море, конечно, смеялось... И было над чем!

Но все-таки одна какая-то будка, не успев вовремя эвакуироваться, застряла. Так от кого же она: от Курортторга или райпотребсоюза?

— Нет, нет, — смущенно призналась продавец Полявина. — Я от Енукашвили.

Так всплыл на поверхность «лучший» в Гагре завмаг Енукашвили. Застигнутый врасплох, он не успел припрятать бесфактурные товары и попался с поличным. Дело стало принимать серьезный оборот.

По торговой сети города прокатился тревожный набат телефонных звонков.

И опять кто-то взял в руки волшебную палочку. И в один прекрасный день все магазины, в которых были обнаружены родственники-заместители, в разгар торговли закрылись, как по команде. Вероятно, в местной торговой сети подвизаются не только тунеядцы, но и уволенные по сокращению штатов из какой-то сказки безработные волшебники...

— Так ведь у нас насчет неработающих есть специальное указание, — в один голос доказывают руководители торгов и извлекают на свет божий фигурный листок в двух экземплярах. В соответствии с какой-то давно устаревшей инструкцией, работнику прилавка, оказывается, могут помогать члены семьи. Получается и умильно и убедительно. Один член семьи работает, пять членов ему помогают. Зарплата — на всех одна, а дома строят — на каждого по одному.

Время от времени сердца отцов города наполняются твердостью, и они склоняются к мысли, что дармоедов следует выселять.

— А нас все равно назад вернут, — хихикают несокрушимые тунеядцы. — Да еще хорошо, если по одному. А то как в Сухуми: двадцать пять человек выселили, и все двадцать пять тут же возвратились.

...Жил-был в Гагре некий гражданин. Жил-поживал, общественно полезным трудом не занимался. Городские власти хотели взять дармоеда за шиворот и выдворить из города, а тот встал за прилавок ближайшего ларька и указал на табличку: «Продавец и покупатель, будьте взаимно вежливы!».

Хорошо, что вовремя спохватились, а то в самом деле некрасиво могло получиться. Невежливо.

Б. ДАНИЕЛИЯ,

специальный корреспондент Крокодила.

Рисунок В. ГРИГОРЬЕВА.
(Из украинского журнала «Перец».)

Без слов

— Зачем к нам пожаловал!
— Да вот начальником над вами назначили.

Сергей МИХАЛКОВ,
Владимир ПОЛЯКОВ

КОРОТКИЕ И ДЛИННЫЕ

Курортная эпопея в 1 действии и 4 картинах

Картина 1

Улица в курортном городке. Рядом море. Летний, знойный день. Появляется пожилой человек. Несмотря на свой возраст, он еще весьма бодр и спортивен на вид. На нем клетчатая рубашка с засученными рукавами и короткие, до колен штаны — шорты. На ходу он просматривает какой-то журнал. За ним поодаль почтительно шагает молодой человек в чесучовом костюме.

Откуда ни возьмись перед первым прохожим вырастает дружинник с красной повязкой на рукаве.

ДРУЖИННИК. Гражданин, давайте обратно на пляж.

ПРОХОЖИЙ. Не понял вас...

ДРУЖИННИК. Нарушаете правила культурного общежития.

ПРОХОЖИЙ. Опять не понял.

ДРУЖИННИК. Пойдите оденьтесь!

ПРОХОЖИЙ. По-моему, я одет.

ДРУЖИННИК. Вы без брюк.

ПРОХОЖИЙ. Да. Я в шортах.

ДРУЖИННИК. Не положено в коротких штанах ходить. Взрослый человек, а нарушает!

ПРОХОЖИЙ. Простите, но я всегда летом на курорте так хожу. И в Коктебеле, и в Карловых Варах, и в Варне, и в Ницце...

ДРУЖИННИК. Я не знаю, как вы там ходите, а у нас потрудитесь надеть длинные брюки. Чтобы этих ног не было! (Показывает.)

ПРОХОЖИЙ. И не подумаю. Я не собираюсь менять свои привычки, товарищ... блюститель... нравственности!

ДРУЖИННИК. Ваши документы!

ПРОХОЖИЙ. При мне сейчас нет документов. Я отдыхаю. Я на курорте. Мои документы...

Молодой человек в чесучовом костюме вмешивается в разговор.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (дружиннику). Товарищ дружинник! Вы разговариваете с академиком Терлецким!

ДРУЖИННИК. Ну и что? Я ведь не с вами разговариваю.

ПРОХОЖИЙ (молодому человеку). Вот, вот... Очень хорошо, Алексей Георгиевич! Вы, пожалуйста, поговорите тут за меня, а я пойду по своему маршруту. Вы меня догоните. (Уходит.)

ДРУЖИННИК (молодому человеку). А вы кто такой? Вы что, с этим академиком работаете или как?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я его помощник.

ДРУЖИННИК. Плохо вы ему помогаете. Предупреждаю: в следующий раз мы вашего академика штрафовать будем.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. За что?

ДРУЖИННИК. За нарушение постановления городского Совета. За обнаженность в местах общего пользования.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Это чудовищно! Да знаете ли вы, кто сейчас стоял перед вами? Гордость нашей науки! Его знает весь мир! А вы «штрафовать»! И, главное, за что?

ДРУЖИННИК. Как его фамилия?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Терлецкий! Академик Иван Павлович Терлецкий. Запомните!

ДРУЖИННИК. Мы помнить не обязаны. Мы запишем. (Записывает.)

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Какое невежество! (Уходит.)

Картина 2

У телефона лейтенант милиции.

ЛЕЙТЕНАНТ МИЛИЦИИ (говорит по телефону). У аппарата лейтенант милиции Сидякин. Такое дело, товарищ майор! В городе обнаружен гражданин в коротких брюках. Ходит, понимаете ли, а ноги голые. Удлинять брюки отказался. Назвался академиком... как его... (Смотрит в записку.) Терлецким. Штраф платить отказался. Что с ним делать? Адрес? Адрес есть. Ясно. (Кладет трубку.)

Картина 3

У телефона майор милиции. Он говорит по телефону.

МАЙОР МИЛИЦИИ. Докладывает зам. начальника отделения майор милиции Куровенко. Получен сигнал: по городу разгуливает академик... как его... (Смотрит в записку.) Терлецкий Иван Павлович. Без брюк! То есть это безусловно. Короткие, до колен! Сами ноги голые! Как вы говорите? Чудак? Ясно. Не задерживать? Пусть ходит? Ясно! Есть! (Кладет трубку.)

Майор милиции обращается к собравшимся милиционерам и дружинникам.

МАЙОР. Вот, товарищи, такое, значит, дело. На нашем курорте отдыхает выдающийся академик. Он систематически нарушает постановление горсовета: ходит в трусах по городу. Есть указание управления: его не задерживать и не обращать внимания. Он в этом виде отдыхает. Ясна установка?

ГОЛОСА. Ясна.

МАЙОР. Вопросы есть?

ГОЛОСА. Нет.

МАЙОР. Можно разойтись.

Картина 4

За столом лейтенант милиции. Перед ним стоит молодой человек в чесучовом костюме.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Вы меня вызывали? Я помощник академика Терлецкого.

ЛЕЙТЕНАНТ. Я вызывал его лично. На 15.00.

Но раз вы пришли, вы ему передайте: больше останавливать его не будут. Есть указание разрешить ему в виде исключения ходить в коротких штанах. Может не надевать длинные.

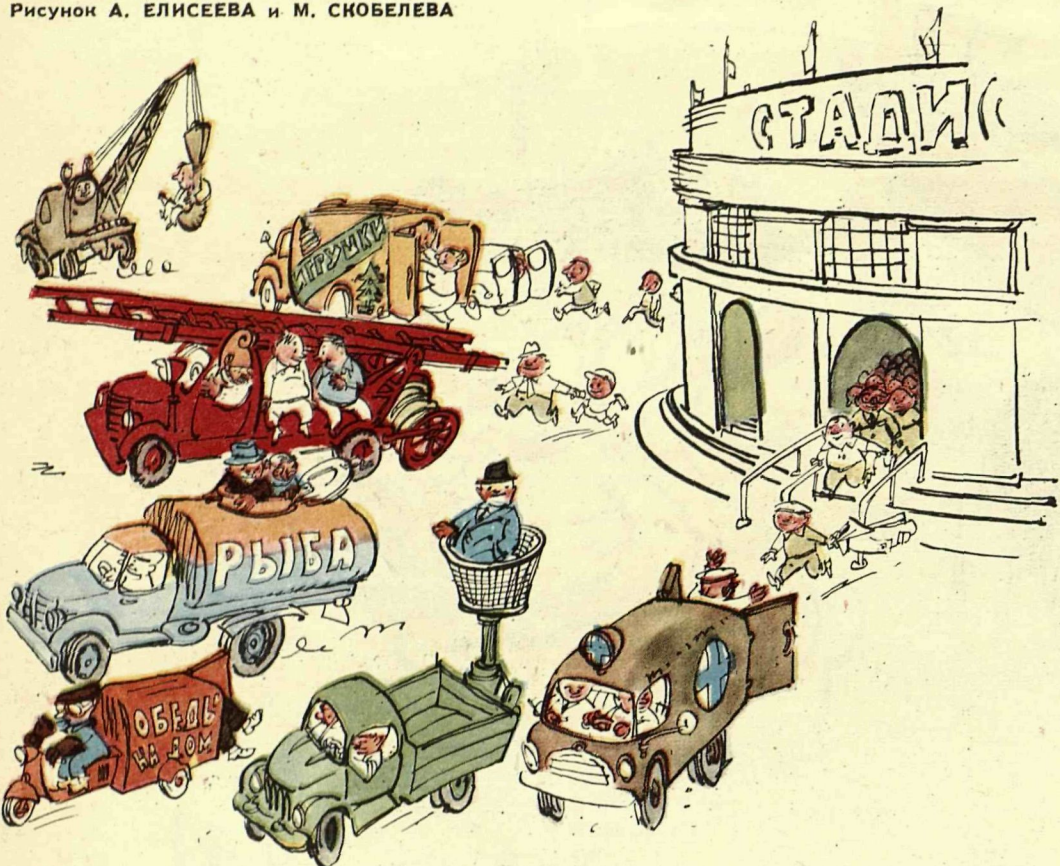
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. А он длинные уже при всем желании надеть не сможет.

ЛЕЙТЕНАНТ. Почему?

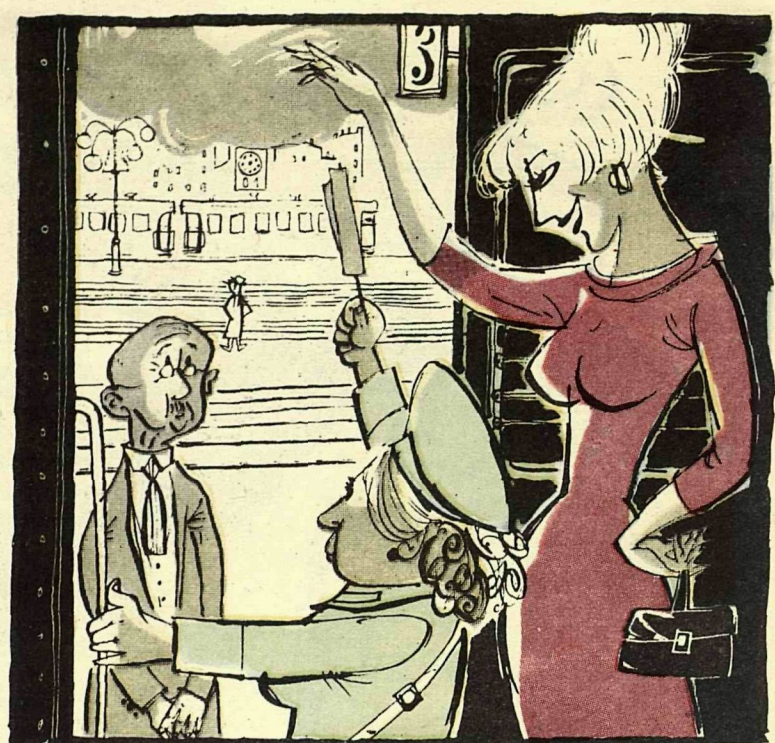
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. А пока милиция занималась короткими, длинные у него того...

ЛЕЙТЕНАНТ. Что?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Украли! Занавес.

Футбольный разезд.

— ...И веди себя хорошо, пока я буду в Сочи!

При помощи красавицы...

Загорелая до черноты элегантная дама чарующе улыбается людям с плаката. Ослепителен блеск белоснежных зубов.

Прохожие весело хохочут. Не столько над неуклюжими виршами, сколько над тем обстоятельством, что плакат сей установлен... возле железнодорожной кассы предварительной продажи билетов. Как видим, Ялтинское агентство Аэрофлота ведет решительное наступление на своих конкурентов — железнодорожников.

В. КИОНАЛОВ

г. Сочи.

ЕЩЕ О «САМООБСЛУЖИВАНИИ»

РЕСТОРАН РАБОТАЕТ с 8ч. до 22ч. ПЕРЕРЫВ НА ОБЕД с 15ч. до 16ч.

Это объявление вывешено на ресторане «Хрустальный». Мы помещаем его как образец скромности и нетребовательности. Ведь работники ресторана могли устроить еще несколько перерывов. А они удовольствовались одним и теперь вместо того, чтобы кормить обедами посетителей, обедают сами.

Е. КУТЕПОВ

г. Гусь-Хрустальный, Владимирская обл.

ПРОИСШЕСТВИЯ

ОТМЕЧЕННЫЕ БЛАГОДАТЬЮ

Бог всевидящ и всемогущ. Однако и у этой высшей субстанции есть существенные пробы. Например, по линии технического снабжения. Здесь небесная канцелярия явно отстает от самого что ни на есть заходящего «снаба». Особенно по ассортименту. Кроме библейской манны, она ничем иным свою клиентуру не обеспечивает. Хоть плачь! Ну, а если тебе нужна не манна, а, скажем, листовое железо для ремонта храма, что прикажете делать? Вознести особую молитву-заявку, что, мол, просим занарядить сталь листовую в количестве двух автомашин?

...Настоятель Покровской церкви, что в городе Тулуно, Иркутской области, прервал невеселые думы свои и обратился к сидящему напротив дьякону.

— Тебе повею печаль свою, — тяжко вздохнул он. — Без железа нам труба. Собирайся, дьякон, на понски. Сказано: ищите и обрящите...

Дьякон нервно затеребил бороду.

— Где искать-то, отче? — уныло спросил он. — Всюду ведь фонды да лимиты требуют.

— Есть у меня на примете один человек... — священник призадумался. — Муж славный. Лицом светел, а душой... душой маленько черноват, поскольку деньги без памяти любит. Попробуй толкнись к нему.

И вот, подобострастно кланяясь, стоит дьякон перед славным мужем — начальником машинно-дорожного отряда № 147 треста «Ангариесжелдорстрой» Загребельным.

— Что-о? — грозно переспросил тот. — Вам железа?

— Хотя бы малую толику, — лепетал дьякон, опасливо отодвигаясь к двери. — Заставьте бога мол... — Без наряда и фондов? — попытался Загребельный и, не дождавшись ответа, сказал вдруг спокойным тоном: — Ладно, сде-

лаю. Только... Как это у вас говорится в писании: гони, отец дьякон, денежки на кон!

А вскоре изумленный священник стоял на церковном дворе и, онемев от восторга, взирал на стоящие там автомашины с листовым железом.

— Ну, дьяче, воистину почитает тебе божья благодать!..

— Не на мне почитает, а на рабе божьем Загребельном, — деловито уточнил дьякон.

— Но как же ему руководство треста-то позволило? — продолжал удивляться настоятель Покровской церкви.

— И на них тоже благодать почитает. — Дьякон ухмыльнулся в бороду. — Сам главный инженер треста Быков вкупе с начальником по снабжению Фисенко собственноручно начертали на заявке: «Отпустить и срочно отгрузить».

— Чудо в Кане Галилейской, — хихикнул священник. — Во сколько же оно обошлось? От сорока тысяч осталось у тебя что-нибудь?

Дьякон взглянул на него лучистыми глазами, и отец настоятель понял всю безбастность и неуместность своего вопроса.

Неприличная махинация с железом получила огласку. Все были убеждены: теперь-то Загребельному крышка! Шесть раз судился человек за хищения и всякий раз выходил сухим из воды. А сейчас ничто его не спасет. Разве что божье чудо.

И, представь себе, читатель, чудо произошло. Да, да, истинное чудо по всем библейским канонам! Казнокрад Загребельный не только не был ввергнут в узилище, а, наоборот, назначен заместителем главного инженера треста. Должно быть, и вправду почитает божья благодать на нем и на его покровителях!

Н. ЛАРИН, С. РАКИТИН

г. Вратск.

М. БОГУСЛАВСКИЙ

НА СКАМЬЕ

— За что это ты, кум, сюда попал!
— Я в магазине через меру брал...

— А ты за что, кума, сюда попала!
— Несправедливость! Я ж недомеряла...

г. Запорожье.

Что нового в сатирическом цехе

«БЕРЕЗКИН ЕДЕТ НА ТАКСИ». По какому случаю? Куда? Зачем? Обо всем этом можно подробно разузнать в «Библиотеке Крокодила» у автора одноименной книжки М. СЕМЕНОВА.

«ВЕЩИЕ ВЕЩИ», пополнившие инвентарь той же Библиотеки, приобретены в Ужгороде у Ф. КРИВИНА.

«КРИВОРОЖСКИЕ УСМЕШКИ» обособались в «Библиотеке Перца». Авторы сборника — юмористы и сатирики Криворожья.

«ПЕРЕПУГАННОГО АНТИМОЗА» обнаружил грузинский юморист Г. БУХНИКАШВИЛИ. Справку о том, кто такой антимоз, можно получить в «Библиотеке Нианги». Там же Н. ШВЕЛИДЗЕ исполняет «УТРЕНнюю СЕРЕНАДУ».

«РЯДОМ С НАМИ» нашел «Транзитную булку», «Свинью в балансе» и многое иное И. СЕДОВ. Найденное обнаружено при помощи Тюменского областного издательства.

«САТИРИЧЕСКОЕ И ЛИРИЧЕСКОЕ» вошло на равных правах в новый сборник украинского поэта Д. БЕЛОУСА. Книга выпущена Гослитиздатом Украины.

СЛУЧИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ... Вы помните? Так назывался конкурс на самый смешной случай, в котором приняли участие тысячи читателей Крокодила. С юморесками победителей конкурса вы можете познакомиться в только что вышедшем в «Библиотеке Крокодила» сборнике, который так и называется: «Случится же такое...» В книжке вы найдете также уже знакомые вам журнальные рубрики: «Народные усмешки», «Нарочно не придумаешь», «Листая страницы» и «Пестрая смесь».

СМЕСЬ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«ВЫПСКА ИЗ ПРИКАЗА по Марьинской водно-спасательной станции

14 июля 1961 г. г. Мары
 Всем штатным работникам водно-спасательной станции за исключением сторожа, уборщицы и мед. сестры во время несения вахты находиться в трусах.

К лицам, нарушающим настоящий приказ, будут приняты более строгие меры воздействия.

п. п. Начальник водно-спасательной станции Хачатуров.

«6 ноября 1960 г. при сдаче скота на Ленинградский мясокомбинат обнаружен излишек в пути 1 голова весом 269 кг. на сумму 74 руб. 15 коп. Ст. проводник Сафронов М. П. пытался сдать эту голову как собственную, а затем получить в совхозе стоимость излишка».

(Из акта.)

Списал В. АНАШКИН.

г. Ковылкино.

Рисунок С. АЛЕКСАНДРОВА

Без слов.

«Высокоцитимая редакция! Пошлю вам свои новейшие стихи. Считаю, что их надо помешать без всяких исправлений, дабы сохранить их нетронутую прелесть и девственную красоту».

(Из письма в редакцию.)
 Переписал Н. ЗУДОВ.

г. Ленинград.

«Задержан гражданин Николаев Алексей Иванович, рожд.

1932 года, который был в нетрезвом виде, оскорблял прохожих и оказывал нам сопротивление. После задержания был взят у нас на поруки зав. клубом и инструктором физкультуры для показа приемов борьбы на вечере физкультурников в клубе».

(Из записи дружинника в журнале.)

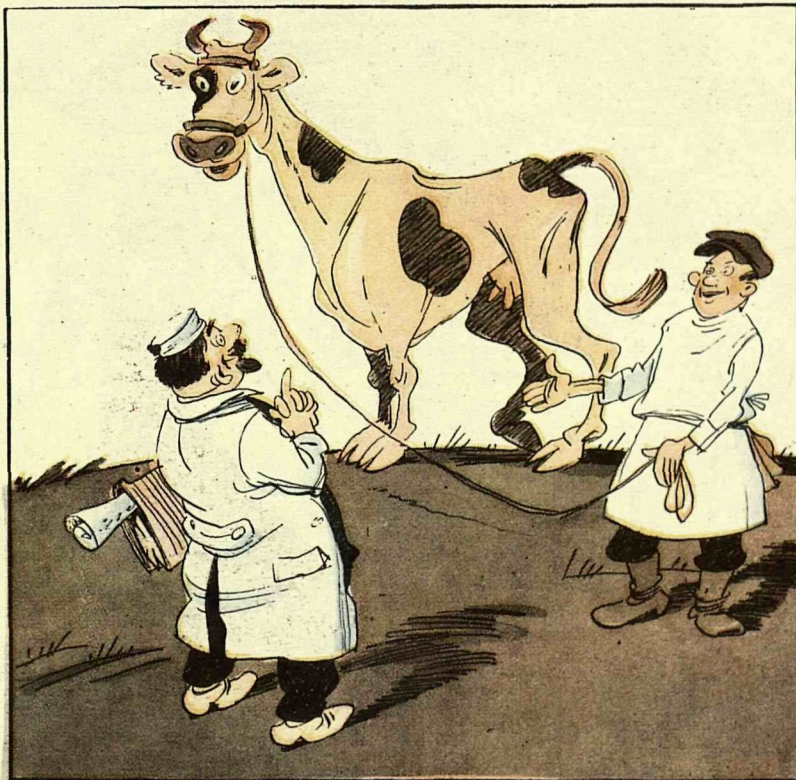
Копию снял В. ТРУДЛЕР.
 г. Запорожье.

Рисунок Е. ГУРОВА

Производственная гимнастика в космосе

Рисунок И. СЫЧЕВА

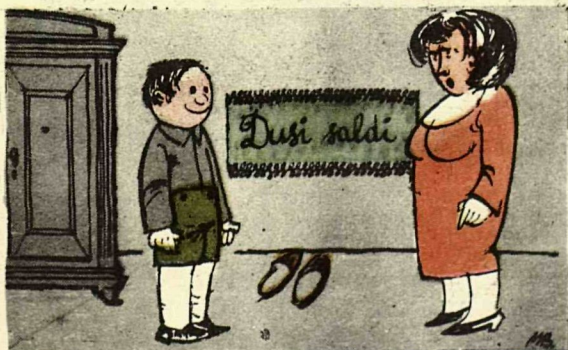
— Вывели новую породу!
 — Молодцы! Каковы ее показатели!

— Под седлом хорошо ходит!

Рисунок М. БИШОФА (из журнала «Дадзис»)

ПЯТНА

— Мапочна, я занял первое место в классе по сбору металлолома!
 — Ясно. Сейчас же принеси обратно ирвать!

Решило Солнце:
 — Для чего мне пятна!
 Их надо вывести.
 Желание понятно.
 И, улыбаясь всем лучисто,
 Оно отправилось в химчистку.
 Увидев Солнце на пороге,
 Директор вымолвил в тревоге:
 — Вы к нам! Пожалуйста! Как это мило!
 Почистим вас, великое светило.
 А сам подумал: «Ах, как неприятно...
 Нам из-за Солнца многое прощали.
 Твердили мы, костюмы возвращая:
 «Не обижайтесь! И на Солнце пятна».

Н. ЧЕРЕПАНОВА

г. Чебоксары.

Рисунок М. УШАЦА

КОСМИЧЕСКАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ

— Садитесь, пожалуйста...
 — Спасибо, я повишусь...

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00309. Изд. № 1250. Подписано к печати 19/VIII 1961 г. Формат бум. 70×108¹/₂. Заказ № 2191. Тираж 1 500 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

29 АВГ 1961

— Как прикажете вас причесать, господин Капитал!

Всесоюзная
финансовая палата
контроль эмиссии
1961 г.

Цена номера 12 коп.